

Особенности режима правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1940–1980-е гг.

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому исследованию режима правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1940–1980-е гг. Доказывается, что советское законодательство о религиозных культах в указанный период формировало не механизм реализации провозглашаемой Конституцией СССР свободы совести, а особый режим правового допущения, задававший для Русской православной церкви границы дозволенного в рамках советского правопорядка. Выявлены особенности регистрационного режима, имущественных ограничений, допустимых форм религиозной деятельности и многоуровневого надзорно-санкционного механизма как взаимосвязанных элементов единой системы формальных правовых ограничений. На основе анализа конституционных норм, декретов и постановлений 1918 и 1929 гг., актов Совета народных комиссаров (Совета Министров) СССР 1940–1960-х гг., Инструкции по применению законодательства о культах 1961 г. и последующей правоприменительной практики изучен механизм установления и поддержания правовых пределов религиозной деятельности РПЦ. Сделан вывод о том, что режим правового регулирования институционально закреплял приоритет политико-идеологических целей Советского государства над статусом религиозных объединений и обеспечивал режим управляемой лояльности Русской православной церкви посредством процедурных фильтров и санкций.

Ключевые слова: юридические науки; государственно-религиозные отношения; правовое регулирование; Русская православная церковь; история советского права; советское законодательство о культах; правовые коллизии; источники советского права; религиозные объединения в СССР; правоприменительная практика; Совет Министров СССР; Инструкция о применении законодательства о культах

Для цитирования: Зудов Ю. В. Особенности режима правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1940–1980-е гг. // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 29–39. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.029-039

© Зудов Ю. В., 2026

* Зудов Юрий Валерьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук
Ленинский просп., д. 32а, г. Москва, Российская Федерация, 119334
yury.zudov@mail.ru

Specific Features of the Legal-Regulatory Regime Governing Relations between the Soviet State and the Russian Orthodox Church in the 1940s–1980s

Yuriy V. Zudov, Cand. Sci. (History), N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
yury.zudov@mail.ru

Abstract. The paper presents a historical and legal study of the regime governing relations between the Soviet State and the Russian Orthodox Church from the 1940s to the 1980s. It argues that Soviet legislation on religious cults during this period did not establish a mechanism for implementing the freedom of conscience proclaimed by the Constitution of the USSR. On the contrary, it created a distinct regime of legal toleration that defined the limits of what was permissible for the Russian Orthodox Church within the Soviet legal order. The study identifies the specific features of the registration regime, property restrictions, permissible forms of religious activity, and the multi-level supervisory and sanctioning mechanism as interconnected components of a unified system of formal legal constraints. Drawing on an analysis of constitutional provisions, decrees and resolutions of 1918 and 1929, acts of the Council of People's Commissars (Council of Ministers) of the USSR issued in the 1940s–1960s, the 1961 Instruction on the Application of Legislation on Religious Cults, and subsequent law-enforcement practice, the paper examines the mechanisms through which legal boundaries on the religious activities of the Russian Orthodox Church were established and maintained. It concludes that this regulatory regime institutionally entrenched the primacy of the Soviet State's political and ideological objectives over the legal status of religious associations and secured a system of managed loyalty on the part of the Russian Orthodox Church through procedural filters and sanctions.

Keywords: legal sciences; state-religious relations; legal regulation; Russian Orthodox Church; history of Soviet law; Soviet legislation on religious cults; legal conflicts; sources of Soviet law; religious associations in the USSR; law enforcement practice; Council of Ministers of the USSR; Instruction on the Application of Legislation on Religious Cults

Cite as: Zudov YuV. Specific Features of the Legal-Regulatory Regime Governing Relations between the Soviet State and the Russian Orthodox Church in the 1940s–1980s. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):29-39. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.029-039

Введение

Тема правового регулирования государственно-религиозных отношений в России остается одной из ключевых проблем историко-правовых исследований. Особое значение имеет изучение советской модели правового регулирования статуса религиозных объединений и государственно-религиозных отношений в позднесталинский и последующий периоды, оказавшей существенное влияние как на государственную правовую политику в религиозной сфере после распада Советского Союза, так и на современ-

ный социально-политический облик Русской православной церкви¹.

Исследуемый в статье период 1940–1980-х гг. охватывает этап качественного изменения государственной религиозной политики в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы, связанные с принятием ряда актов Совета народных комиссаров (Совета Министров) СССР, в частности в 1943–1945 гг., а также позднесоветское время, когда курс на демократизацию политической системы привел к существенной трансформации сложившихся правил государственно-религиозных отношений.

¹ Солдатов А. Священный «капитал» и его «олигархи» // Отечественные записки. 2001. № 1. С. 39–45 ; Вольтер О. В. Русская православная церковь как социальный институт и ее церковно-административные и иерархические элиты в современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 11. С. 211–218.

Анализ советского законодательства о культах предпринимается прежде всего для реконструкции правового статуса Русской православной церкви как института; соответствующим образом сформирована и выборка рассматриваемых актов. В центре внимания находятся сферы, в которых государство задавало правовые пределы допустимой деятельности РПЦ: регистрация религиозных общин и священнослужителей, передача и использование культовых зданий и имущества, а также механизмы контроля и санкций за нарушение законодательства о культах. Вопросы международной деятельности РПЦ статья не касается.

В имеющейся историографии достаточно полно разработаны политические и репрессивные аспекты антирелигиозной политики СССР². При этом правовые стороны государственно-религиозного взаимодействия в основном описаны фрагментарно, как набор отдельных актов, без попытки реконструировать их как целостный правовой режим, задающий пределы допустимого функционирования РПЦ. Исключение составляют исследования российских историков права, например Д. А. Пашенцева, О. Н. Петюковой и И. А. Шершневой-Цитульской, по большей части касающиеся первой половины XX в.³

Для современной историко-правовой науки принципиально важно понимать советское регулирование религиозной сферы не только как инструмент репрессий, но и как специфическую систему формальных правовых ограничений, в рамках которой допускалось управляемое функционирование религиозных обществ. С одной стороны, конституционно-правовые нормы и многие официальные акты провозглашали свободу совести и отделение церкви от государства; с другой стороны, ряд секретных постановлений

и закрытых инструкций формировали особый режим, при котором РПЦ могла существовать лишь в условиях множества ограничений, запретов и процедурных фильтров.

Научная проблема заключается в выявлении соотношения между конституционно-правовым фасадом и реально существовавшей системой регулирования деятельности религиозных объединений, а также в анализе юридической природы формальных правовых ограничений, в которых функционировала Русская православная церковь.

Объектом исследования выступает государственно-правовой механизм регулирования деятельности Русской православной церкви в СССР в 1940–1980-е гг. Предмет исследования — совокупность нормативных правовых актов и связанных с ними актов неправового характера, определявших правовой режим государственно-религиозных отношений и применявшихся к РПЦ, рассматриваемых как система формальных правовых ограничений, устанавливающих пределы допустимого поведения института РПЦ.

Цель исследования — выявить и проанализировать, каким образом советское законодательство о религиозных культах формировало для Русской православной церкви особый режим правового регулирования, основанный на системе формальных правовых ограничений и очерчивающий пространство дозволенного.

В соответствии с поставленной целью предполагается решение следующих задач:

— охарактеризовать нормативную основу государственно-религиозных отношений в СССР в 1940–1980-е гг.: конституционные положения, указы и постановления верховных советов / их президиумов, постановления СНК/СМ СССР и союзных республик, инструкции и положения Совета по делам религий;

² *Одинцов М. И., Чумаченко Т. А.* Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг. СПб. : Российское объединение исследователей религии, 2013 ; *Васильева О. Ю.* Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001.

³ *Петюкова О. Н.* Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах. М. : Юнити-Дана, 2012 ; *Шершнева-Цитульская И. А.* Государство и церковь в России в XVIII — начале XXI века. М. : Юрайт, 2020 ; Развитие российского права в 1940-е годы : монография / под ред. С. А. Боголюбова и Д. А. Пашенцева. М. : Инфра-М, 2025.

— выделить и описать ключевые блоки регулирования, в которых формировались пределы допустимого существования РПЦ: регистрацию общин и священнослужителей, правовой режим культовых зданий и имущества, разрешенные виды религиозной деятельности, механизмы контроля и санкций;

— проанализировать на основе конкретных актов, какие формально-юридические конструкции использовались для задания этих границ религиозной деятельности: условия регистрации, основания для отказа и снятия с регистрации, предписания, режим пользования культовым имуществом, санкции.

Гипотеза исследования состоит в том, что советское законодательство о религиозных культах в 1940–1980-е гг. выступало не столько как механизм реализации декларируемой свободы совести, сколько как система формализованных ограничений и запретов, задающих минимально допустимое пространство существования Русской православной церкви. Эти ограничения институционально оформляли приоритет политико-идеологических целей государства над правовым статусом религиозных объединений и обеспечивали управляемую лояльность РПЦ посредством процедурных фильтров и санкций.

Методологическую основу исследования составляют историко-правовой и формально-юридический методы, позволяющие анализировать советское законодательство о культах в динамике и выявлять используемые в нем юридические конструкции. Применяется институциональный подход к праву, в рамках которого совокупность нормативных актов, подзаконных инструкций и правоприменительных практик рассматривается как особый режим регулирования, задающий пределы правового допущения деятельности религиозных объединений. Используются элементы доктринального анализа (обращение к трудам отечественных исследователей совет-

ского законодательства) и социологии права, позволяющие соотнести тексты актов с практикой их применения.

Режим правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви

Для анализа отношений Советского государства и Русской православной церкви представляется продуктивным использовать категорию режима правового регулирования. В данном случае под ним понимается совокупность формально закреплённых норм, подзаконных предписаний, ведомственных инструкций и устойчивых практик их применения, которые определяли объем допустимой религиозной активности, пределы институционального существования церковных структур и механизмы государственного вмешательства в религиозную сферу.

Такой подход позволяет уйти от восприятия законодательства о культах как простого набора актов и рассматривать его как целостную систему формальных правил, задававших модель допустимого поведения органов власти и религиозных организаций, а также как систему правовых ограничений, внутри которых могли действовать религиозные объединения.

Специфика советского режима правового регулирования государственно-религиозных отношений заключалась в его неоднородности. Формально на верхнем уровне иерархии нормативных правовых актов находились конституционные положения о свободе совести, отделении церкви от государства и школы от церкви⁴. Впрочем, верховенство Основного Закона СССР со строгой подчиненностью ему всего массива советского законодательства по всем его структурно-функциональным срезам⁵ было четко провозглашено лишь в Конституции СССР 1977 г. (ст. 173). В предыдущих конституциях

⁴ Советская пропаганда приводила эти конституционные положения в пример, когда на международных площадках отрицала «беспочвенные и вздорные» слухи о гонениях на религию (Правда о религии в России. М. : Московская патриархия, 1942. С. 76).

⁵ Степанов И. М. Конституция и политика. М. : Наука, 1984. С. 40.

1924 и 1936 гг. оно хотя и подразумевалось, но не было выражено напрямую⁶.

На прикладном уровне действовали постановления Совета народных комиссаров (Совета Министров) СССР, указы президиумов верховных советов (союзного и республиканских), различные союзные правовые акты, нередко засекреченные, инструкции и указания Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР; важную роль играли партийно-идеологические установки, фактически придававшие формальным нормам конкретное содержание.

При их анализе (сопоставлении между собой, попытке выстроить определенную иерархию) следует иметь в виду общие особенности системы советского права. Юридическая сила отдельных видов актов обуславливалась прежде всего характером правотворческой компетенции органов власти⁷, однако сама компетенция далеко не всегда была строго закреплена, а круг рассматриваемых органом вопросов и задач нередко очерчивался в достаточно общей фор-

ме⁸. Многие в правоприменительной практике органов государственной власти зависело от проводимой в конкретный период политики⁹.

Коммунистическая партия, названная в ст. 6 Конституции СССР 1977 г. «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы», фактически определяла вектор правотворчества и правоприменения¹⁰. Государственные органы, согласно доктрине, должны были «иметь возможность быстро и своевременно» реагировать на поставленные партией задачи¹¹, их деятельность не предполагалось ограничивать «жесткими рамками правового регулирования»¹².

В результате складывалась особая правовая конструкция, в которой конституционные гарантии свободы совести формально сохранялись, но существенно корректировались системой процедурных фильтров, ограничений и надзорных механизмов. Применительно к советской конфессиональной политике уместно говорить не столько о правовом обеспечении свободы со-

⁶ Так, в Преамбуле Конституции СССР 1924 г. говорится, что Декларация и Договор об образовании СССР составляют его Основной Закон (Конституцию). В Конституции СССР 1936 г. отмечается, что Верховный Совет как высший орган государственной власти осуществляет все права Союза, предусмотренные Конституцией (ст. 14 и 31); кроме того, предписана необходимость соответствия конституций союзных республик общесоюзной (например, ст. 60).

⁷ Общая теория советского права / под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. М. : Юридическая литература, 1966. С. 148.

⁸ Поленина С. В., Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативных правовых актов в СССР / отв. ред. Р. О. Халфина. М. : Наука, 1987. С. 34.

⁹ Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М. : Юридическая литература, 1971. С. 69 ; Казьмин И. Ф. Подготовка научной концепции законопроекта // Советское государство и право. 1985. № 3. С. 32.

¹⁰ Поленина С. В., Сильченко Н. В. Указ. соч. С. 63.

¹¹ Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. М. : Юридическая литература, 1972. С. 14.
В этот период в юридической науке активно обсуждалась возможность «для удобства практики» закрепить обобщенные принципы нормотворчества в специальном законе о нормативных актах (Поленина С. В., Сильченко Н. В. Указ. соч. С. 151). Закон так и не был принят, хотя на актуальность проблемы уже для Российской Федерации продолжают указывать отечественные авторы: Тихомиров Ю. А., Рахманина Т. Н., Хабибулин А. Г. Закон о нормативных правовых актах — актуальная повестка дня // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 88–93 ; Черногор Н. Н., Залоило М. В. Правовой мониторинг: инструментальная ценность и векторы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2018. № 3. С. 8–21 ; Горбачев С. А., Зудов Ю. В. Совершенствование системы оценки нормативных правовых актов Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1 (30). С. 30–38.

¹² Поленина С. В., Сильченко Н. В. Указ. соч. С. 38.

вести в современном смысле, сколько о режиме ограниченного правового допущения религиозной активности, в котором провозглашенные конституционные гарантии свободы совести выполняли преимущественно декларативную и легитимирующую функции.

Именно в этом контексте можно выделить основные блоки формальных ограничений, задававших пределы допустимого присутствия института Русской православной церкви в жизни советского общества: регистрационный режим, правовой статус культового имущества, функциональные ограничения религиозной деятельности и особый надзорно-санкционный механизм.

Ключевым правовым механизмом, от которого зависела возможность осуществления религиозной деятельности, выступала *процедура регистрации*. Религиозные общины и священнослужители могли действовать лишь при условии прохождения установленной государством процедуры, а сама регистрация носила не уведомительный, а разрешительно-контрольный характер и фактически определяла, кого государство допускает к религиозной деятельности, а кому отказывает в этом.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 08.04.1929 «О религиозных объединениях»¹³ устанавливало порядок обращения группы верующих в количестве не менее 20 человек в органы власти для получения разрешения начать культовую деятельность, при этом механизм принятия решения никак не был регламентирован. Священнослужитель, согласно определявшей соответствующие правоприменительные механизмы Инструкции по применению законодательства о культах 1961 г.¹⁴, также мог приступить к богослужебной деятельности только после постановки на регистрационный учет у уполномоченного Совета по делам РПЦ.

Нарушение законодательства о культах влекло возможность снятия с регистрации как религиозного общества, так и конкретного священнослужителя. После выявления нарушения уполномоченные и местные органы должны были выдать предписание о его устранении, а при неисполнении или в случае повторного нарушения — внести предложение о снятии с регистрации, при необходимости поставив вопрос о привлечении виновных к ответственности.

Юридическое значение регистрационного режима тем самым выходило далеко за пределы обычного административного учета. Поскольку снятие религиозного общества с регистрации рассматривалось как одно из оснований закрытия молитвенного помещения, регистрация фактически определяла само право общины на существование в качестве легального объединения. При этом понятие нарушения законодательства о культах не получило точного исчерпывающего определения в нормативных правовых актах, что расширяло пределы административного усмотрения.

Регистрация в такой конструкции выступала универсальным ограничительным механизмом: сохраняя за собой возможность в любой момент квалифицировать те или иные действия как нарушение законодательства, государство контролировало границы допустимой религиозной деятельности. Тем самым регистрационный режим превращался не только в условие законного существования, но и в инструмент отбора по политико-идеологическим критериям, закрепляя зависимость допуска к религиозной деятельности от оценки лояльности духовенства и приходского актива государственными органами.

Не менее важным элементом режима правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви выступал *режим пользования культовыми зданиями*

¹³ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1929. № 35. Ст. 353.

¹⁴ Инструкция по применению законодательства о культах (утверждена постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и постановлением Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР от 16.03.1961) // Законодательство о религиозных культах. М., 1971. С. 77–87.

и имуществом. Он устанавливал зависимость общин от решений органов власти и тем самым дополнял регистрационный механизм: утрата статуса влекла не только прекращение легальной деятельности, но и потерю материальной основы существования прихода.

Исходной точкой здесь оставались положения Декрета СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», лишившего религиозные общества права собственности и статуса юридического лица¹⁵. Данная логика получила развитие в постановлениях советского правительства о порядке открытия церквей и молитвенных домов 1943–1944 гг.¹⁶, определявших условия предоставления общинам культовых зданий. Правовой статус прихода как пользователя, а не собственника храма прямо вытекал из этих решений: община получала здание для религиозных нужд, но не приобретала в его отношении полноты вещных прав.

Наиболее отчетливо ограничительный характер имущественного режима проявлялся при закрытии общин. Письмо Минфина СССР от 07.07.1961 № 242 разъясняло, что при снятии религиозного общества с регистрации и закрытии молитвенного здания культовое имущество рассматривается как бесхозяйное: драгоценности и предметы обихода подлежали распределению между местными финансовыми органами и музеями, а предметы, предназначенные для отправления культа, могли передаваться другим религиозным общинам. Тем самым любые попытки сохранить имущество за прежней общиной после ее ликвидации исключались, а связь между регистрационным статусом и имущественным положением прихода становилась принципиальной.

Таким образом, имущественные нормы не обеспечивали какой-либо автономности религиозных объединений, а, напротив, усиливали их зависимость от административных решений. Право пользования храмом и культовым имуществом оказывалось производным от регистрации общины и оценки ее деятельности органами власти. В совокупности с регистрационным режимом имущественный блок задавал жесткие пределы правового допущения: религиозная община могла сохранять и культовое здание, и материальные ресурсы лишь постольку, поскольку оставалась в рамках дозволенной деятельности и поддерживала необходимый для властей уровень лояльности и управляемости.

Следующий элемент режима правового регулирования отношений Советского государства и РПЦ — правовые границы *допустимых форм религиозной деятельности*. Советское законодательство не запрещало религию как частное дело граждан, но последовательно выстраивало правовую конструкцию, согласно которой церкви фактически разрешалась лишь богослужебная деятельность, тем самым институционально исключая РПЦ из ключевых сфер общественной жизни и закрепляя ее маргинализированный статус — лишь в пределах узко понимаемого отправления культа.

Эта линия восходит к базовым актам раннесоветского периода, сохранявшим значение и в 1940–1980-е гг. Декрет 1918 г. об отделении церкви от государства и школы от церкви, конституционные нормы и Постановление 1929 г. закрепили вывод религии из образовательной системы, запрет преподавания религиозных вероучений в государственных, общественных и частных учебных заведениях, где преподают-

¹⁵ При этом Русская православная церковь, будучи формально лишенной прав юридического лица, на практике была наделена ими в ограниченном объеме — на основании секретных правовых актов. Например, см.: постановление СНК СССР от 22.08.1945 № 2137-546с «По вопросам, относящимся к православной церкви и монастырям» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 106с. Д. 153. Л. 249–250.

¹⁶ Постановление СНК СССР от 28.11.1943 № 1325 «О порядке открытия церквей» // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р-3610. Оп. 5. Д. 5. Л. 74–75.

Аналогичная процедура открытия неправославных храмов, мечетей и синагог, включавшая направление ходатайства верующих и согласование с Советом по делам религиозных культов, устанавливалась

ся общеобразовательные предметы, допуская религиозное обучение лишь в частном порядке. В совокупности с отсутствием статуса юридического лица и запретом владения собственностью это означало, что религиозным организациям отводилось строго ограниченное место в общественной жизни.

В дальнейшем советское законодательство о культах конкретизировало эти установки, закрепляя допустимость преимущественно богослужебной и обрядовой деятельности в рамках зарегистрированных общин. Организованная образовательная, миссионерская, благотворительная и иная социально значимая деятельность религиозных объединений прямо ограничивалась¹⁷ и выводилась за пределы правомерного поведения, становясь основанием для преследования¹⁸, в том числе со стороны административного и уголовного законодательства¹⁹.

Тем самым советское право устанавливало жесткие ограничения для той части деятельности религиозных объединений, которая выходила за рамки узко понимаемого отправления культа, в том числе для институционального участия в образовании, социальной активности или иного присутствия в общественной жизни.

Функциональное сужение религиозной активности, однако, оставалось бы во многом декларативным без системы органов и процедур, обеспечивающих реализацию соответствующих актов. Поэтому, завершая характеристику режима правового регулирования государ-

ственно-религиозных отношений в СССР, необходимо обратиться к *надзорно-санкционному механизму*, который и превращал совокупность ограничительных норм в реально действующий правовой порядок. Речь в данном случае идет не о разрозненных контрольно-надзорных мерах, а о целостной системе органов и процедур, обеспечивавших поддержание установленных государством границ деятельности Русской православной церкви.

Центральным звеном этой системы в послевоенный и позднесоветский периоды выступали Совет по делам Русской православной церкви и Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР²⁰, которые в 1965 г. образовали единый Совет по делам религий при Совете Министров СССР. В соответствии с положением, регулирующим его статус, Совет выполнял функцию контроля за соблюдением законодательства о культах, проверки правильности его применения, вынесения обязательных для исполнения предписаний об устранении нарушений, а также мог ставить вопрос о привлечении виновных к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности. Кроме того, он мог обращаться с представлениями об отмене актов, противоречащих законодательству, тем самым влияя и на формирование нормативной базы.

На местах функции по реализации этого надзорного механизма осуществляли уполномоченные Совета по делам РПЦ, тесно взаимо-

постановлением СНК СССР от 19.11.1944 № 1603 «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» (приложение к постановлению СНК СССР от 19.11.1944 № 1603 «Предложения Совета по делам религиозных культов при СНК СССР “О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов”»). См.: ЦГА Москвы. Ф. Р-150. Оп. 24. Д. 22. Л. 117–119. Копия.

¹⁷ Ст. 17 Постановления 1929 г. ; п. 7–8 Инструкции по применению законодательства о культах 1961 г.

¹⁸ П. 15 Инструкции по применению законодательства о культах 1961 г.

¹⁹ Например: ст. 122–127 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. (принят 2-й сессией ВЦИК XII созыва) // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1926. 6 декабря. № 80. Ст. 600 ; постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 18.03.1966 «О применении статьи 142 УК РСФСР» // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 8. С. 601.

²⁰ Постановления СНК СССР от 14.09.1943 № 993 «Об организации Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР», от 07.10.1943 № 1095 «Об утверждении Положения о Совете по делам Русской православной церкви при СНК СССР», от 19.05.1944 № 572 «Об организации Совета по делам религиозных культов при СНК СССР».

действовавшие с сетью местных органов власти: исполнительными комитетами советов народных депутатов, административными комиссиями, финансовыми органами, органами государственной безопасности и внутренних дел. Именно на этом уровне решались конкретные вопросы регистрации и снятия с регистрации общин и служителей культа, открытия и закрытия молитвенных зданий, применения административных взысканий за нарушение законодательства о культах; от этих решений²¹ зависели обстоятельства существования религиозных общин. Уполномоченные при этом становились важным звеном, обеспечивающим согласование политико-идеологических установок союзного центра с конкретными региональными особенностями.

Надзорная функция прокуратуры дополняла эту систему. Исходя из статуса органа высшего надзора за точным и единообразным исполнением законов, прокуратура контролировала законность решений о регистрации и ликвидации религиозных объединений, изъятии и передаче культовых зданий, участвовала в уголовном преследовании по делам, связанным с религиозной сферой, и проверяла практику применения административных санкций за нарушение законодательства о культах. Таким образом, прокурорский надзор интегрировал режим правового допущения религиозной деятельности в общую систему контроля за законностью в СССР.

Судебные органы выступали непосредственными правоприменителями специальных уголовных и административных норм. Обзоры Верховного Суда СССР и Прокуратуры СССР, подготовленные в середине 1960-х гг., фиксировали накопившуюся практику рассмотрения дел, касающихся религиозной деятельности, и задавали ориентиры для нижестоящих судов, в том числе в части квалификации тех или иных действий верующих и духовенства как правонарушений. Через эти разъяснения формировалось общее представление о том, какие модели поведения религиозных акторов считаются допустимыми, а какие подлежат пресечению.

В совокупности надзорно-санкционный механизм выполнял несколько взаимосвязанных функций. Во-первых, он обеспечивал принудительное соблюдение установленных регистрационных, имущественных и содержательных ограничений. Во-вторых, через систему предписаний, проверок и санкций он формировал у религиозных объединений представление о границах допустимого и рисках выхода за эти границы. В-третьих, эта правоприменительная практика конкретизировала расплывчатые формулы нарушения законодательства о культах, превращая их в инструмент адресного воздействия на Русскую православную церковь и поддержания режима управляемой лояльности ее институтов и кадров.

Включенный в практику деятельности Совета по делам РПЦ, местных партийных органов, исполкомов, прокуратуры и судов, этот надзорный механизм превращал советское законодательство о культах в устойчивую систему правовых ограничений, определявших пространство допустимого существования РПЦ в Советском государстве.

Выводы

Анализ показывает, что советское законодательство о религиозных культах в 1940–1980-е гг. формировало для Русской православной церкви особый режим правового регулирования, задававший минимально допустимое пространство ее существования в рамках советского правопорядка. Этот режим строился на совокупности взаимосвязанных формально-правовых ограничений: регистрационных процедур, особого правового режима культовых зданий и имущества, нормативного сужения допустимых форм религиозной деятельности и многоуровневого надзорно-санкционного механизма.

Тем самым советское законодательство о культах выступало не только средством ограничения религиозной сферы, но и инструментом ее институционального оформления в пределах, со-

²¹ Степень участия тех или иных органов власти в принятии итогового решения различалась в конкретные периоды.

вместимых с политико-идеологическими приоритетами государства. Рассмотрение этих актов как внутренне связанной системы формальных правовых ограничений позволяет интерпретировать правовую природу отношений Советского

государства и Русской православной церкви не как нейтральное «обеспечение свободы совести», а как юридическое оформление приоритета политико-идеологических целей государства над институциональным статусом церкви.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. — М. : Юридическая литература, 1971. — 223 с.
2. Васильева О. Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. — М., 2001. — 214 с.
3. Вольтер О. В. Русская православная церковь как социальный институт и ее церковно-административные и иерархические элиты в современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». — 2015. — Т. 11. — С. 211–218.
4. Горбачев С. А., Зудов Ю. В. Совершенствование системы оценки нормативных правовых актов Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. — 2019. — № 1 (30). — С. 30–38.
5. Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов / под ред. В. А. Куроедова. — М. : Юридическая литература, 1971. — 336 с.
6. Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. — М. : Юридическая литература, 1972. — 280 с.
7. Общая теория советского права / под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. — М. : Юридическая литература, 1966. — 491 с.
8. Одинцов М. И., Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг. — СПб. : Российское объединение исследователей религии, 2013. — 372 с.
9. Петюкова О. Н. Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах. — М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2012. — 350 с.
10. Поленина С. В., Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативных правовых актов в СССР / отв. ред. Р. О. Халфина. — М. : Наука, 1987. — 152 с.
11. Правда о религии в России. — М. : Московская патриархия, 1942. — 456 с.
12. Развитие российского права в 1940-е годы : монография / под ред. С. А. Боголюбова, Д. А. Пашенцева. — М. : Инфра-М, 2025. — 320 с.
13. Солдатов А. Священный «капитал» и его «олигархи» // Отечественные записки. — 2001. — № 1. — С. 39–45.
14. Степанов И. М. Конституция и политика / под ред. Ю. А. Тихомирова. — М. : Наука, 1984. — 173 с.
15. Тихомиров Ю. А., Рахманина Т. Н., Хабибулин А. Г. Закон о нормативных правовых актах — актуальная повестка дня // Журнал российского права. — 2006. — № 5. — С. 88–93.
16. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Правовой мониторинг: инструментальная ценность и векторы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». — 2018. — № 3. — С. 8–21.
17. Шершнева-Цитульская И. А. Государство и церковь в России в XVIII — начале XXI века : учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2020. — 189 с.

Материал поступил в редакцию 14 октября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. *Sotsialnaya tsennost prava v sovetskom obshchestve*. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1971. — 223 s.
2. Vasileva O. Yu. *Russkaya pravoslavnaya tserkov v politike sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg.* — M., 2001. — 214 s.
3. Volter O. V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov kak sotsialnyy institut i ee tserkovno-administrativnye i ierarkhicheskie elity v sovremennoy Rossii* // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»*. — 2015. — T. 11. — S. 211–218.
4. Gorbachev S. A., Zudov Yu. V. *Sovershenstvovanie sistemy otsenki normativnykh pravovykh aktov Rossiyskoy Federatsii* // *Monitoring pravoprimeneniya*. — 2019. — № 1 (30). — S. 30–38.
5. *Zakonodatelstvo o religioznykh kultakh: sbornik materialov i dokumentov* / pod red. V. A. Kuroedova. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1971. — 336 s.
6. Lazarev B. M. *Kompetentsiya organov upravleniya*. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1972. — 280 s.
7. *Obshchaya teoriya sovetskogo prava* / pod red. S. N. Bratusya, I. S. Samoshchenko. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1966. — 491 s.
8. Odintsov M. I., Chumachenko T. A. *Sovet po delam Russkoy pravoslavnoy tserkvi pri SNK (SM) SSSR i Moskovskaya patriarkhiya: epokha vzaimodeystviya i protivostoyaniya. 1943–1965 gg.* — SPb.: Rossiyskoe obedinenie issledovateley religii, 2013. — 372 s.
9. Petyukova O. N. *Pravovye formy otnosheniy Sovetskogo gosudarstva i Russkoy pravoslavnoy tserkvi v 1917–1945 godakh*. — M.: Yuniti-Dana: Zakon i pravo, 2012. — 350 s.
10. Polenina S. V., Silchenko N. V. *Nauchnye osnovy tipologii normativnykh pravovykh aktov v SSSR* / otv. red. R. O. Khalfina. — M.: Nauka, 1987. — 152 s.
11. *Pravda o religii v Rossii*. — M.: Moskovskaya patriarkhiya, 1942. — 456 s.
12. *Razvitie rossiyskogo prava v 1940-e gody: monografiya* / pod red. S. A. Bogolyubova, D. A. Pashentseva. — M.: Infra-M, 2025. — 320 s.
13. Soldatov A. *Svyashchennyy «kapital» i ego «oligarkhi»* // *Otechestvennye zapiski*. — 2001. — № 1. — S. 39–45.
14. Stepanov I. M. *Konstitutsiya i politika* / pod red. Yu. A. Tikhomirova. — M.: Nauka, 1984. — 173 s.
15. Tikhomirov Yu. A., Rakhmanina T. N., Khabibulin A. G. *Zakon o normativnykh pravovykh aktakh — aktualnaya povestka dnya* // *Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2006. — № 5. — S. 88–93.
16. Chernogor N. N., Zaloilo M. V. *Pravovoy monitoring: instrumentalnaya tsennost i vektory razvitiya* // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Yurisprudentsiya»*. — 2018. — № 3. — S. 8–21.
17. Shershneva-Tsitulskaya I. A. *Gosudarstvo i tserkov v Rossii v XVIII — nachale XXI veka: ucheb. posobie*. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Yurayt, 2020. — 189 s.